

УДК 340.12

ОБ ИДЕЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА
В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Ф. С. Сосенков

Волжская государственная академия водного транспорта (г. Н. Новгород)

Поступила в редакцию 21 мая 2014 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию политико-правовых идей государственного единства, выраженных в древнерусской агиографической литературе домонгольского периода. Анализируя первые жития русских святых – князей Бориса и Глеба, настоятеля Киево-Печерского монастыря Феодосия, Киево-Печерский патерик, автор приходит к выводу, что объединительные идеи свойственны большинству крупных произведений житийной и иной церковной литературы рассмотренного периода.

Ключевые слова: государственное единство, Древняя Русь, феодальная раздробленность, удельно-лествичная система, княжеский сепаратизм.

Abstract: the article is devoted to the study of political and legal ideas from the state unity expressed in the old Russian hagiographic literature of the pre-mongol period. Analyzing the first Russian saints lives – princes Boris and Gleb, the abbot of the Kievo-Pechersky monastery Theodosius, Kievo-Pechersky Patericon, the author comes to the conclusion that the unification idea is typical for the majority of large works of hagiographic and other church literature reviewed period.

Key words: political unity, Ancient Russia, feudal disunity, resistivity-lestvichnaya system, princely separatism.

Древнерусская политико-правовая мысль открывает самобытную картину взглядов на общество, государство и право. Мыслителями той эпохи своеобразно развиваются многие вопросы политико-правовой сферы, в том числе идеи государственного единства. В современном значении государственное единство юридической наукой определяется как отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, т.е. такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства и противопоставляет им местные интересы¹. Отмечено также, что государственное единство предполагает весьма значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспе-

¹ См.: Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2001. С. 144.

чивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность².

Исследователи высказывают некоторые предостережения от буквального использования современных терминов к государственно-правовым явлениям рассматриваемого периода³. Так, на рубеже XX в. ряд ученых отрицали наличие на Руси государства вплоть до окончания феодальной раздробленности⁴. Обращается также внимание на то, что Древнерусское государство не обладало формально определенной территорией (отсутствии пограничных линий, картографического описания границ) и четко определенным населением (имеется в виду отсутствие политико-правовой связи государства с человеком в форме гражданства)⁵. Принимая во внимание названные выше позиции, в целях настоящего исследования будем считать, что Древнерусское государство на рассматриваемом этапе своего развития состояло из населения, которое устойчиво ассоциировало себя с ним. Нельзя также отрицать географическую закреплённость на местности территории, на которую распространялась государственная власть. В связи с этим очевидно, что категория «государственное единство», безусловно, применима к государственно-правовой действительности Древней Руси.

Рассмотрим, как воплощалась идея государственного единства в древнерусской агиографической⁶ литературе домонгольского периода. В XI в. Русская церковь явно стремилась к идеологической и правовой автономии от византийской. В ходе этого противостояния чрезвычайно важно было добиться канонизации русских святых, что предполагало, прежде всего, наличие житий – биографий святых. Первыми дошедшими до нас произведениями этого жанра были жития князей Бориса и Глеба и настоятеля Киево-Печерского монастыря Феодосия.

Идея государственного единства Руси, базирующаяся на соподчинении и согласии внутри княжеского рода, является центральной в житии князей Бориса и Глеба («Сказание о страстях и похвала святым мученикам Борису и Глебу»). Данная основная мысль была выражена в летописном завещании Ярослава Мудрого: «Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу... сего послушайте, якоже послушасте мене»⁷. Культ Бориса и Глеба утверждал и освящал эту идею,

² См.: *Левакин И. В.* Государственное единство России : теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 13.

³ См.: *Семитко А. П.* Русская правовая культура : мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 112.

⁴ См.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 129.

⁵ См.: *Чертков А. Н.* Территориальное устройство Древнерусского государства : поиск правовой основы // История государства и права. 2010. № 21. С. 34.

⁶ Термином «агиография» обозначаются вся художественная литература и искусство, посвященные святым.

⁷ Цит. по: История русской литературы X–XVII вв. : учеб. пособие / Л. А. Дмитриев [и др.] ; под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1979. С. 103.

согласно которой все русские князья – братья, а младшие князья обязаны подчиняться старшим⁸. Отсюда и ярко выраженное осуждение княжеских междоусобиц, базирующееся на христианской морали и тексте Евангелия: «Кто говорит: «Бога люблю», – а брата своего ненавидит, – лжет»⁹.

Требованиям княжеского старшинства беспрекословно следуют Борис и Глеб, подчиняясь старшему брату Святополку, почитая его как отца («в отца место»), а он злоупотребляет такой покорностью – убивает братьев, чтобы «самому одному принять всю власть». За это Святополк получает в житии и в истории прозвища «окаянного» (с. 39), «треклятого» (с. 42), «второго Каина» (там же) и «злого советника дьявола» (с. 44).

Для святых князей, в частности для Бориса, совершенно неприемлемо покушаться на власть старшего: «Если пойду в дом отца своего, то как бы не склонили люди меня на то, чтобы прогнать мне брата моего, как делал и отец мой до святого крещения ради славы и княжения, а это все преходяще и хуже паутины» (с. 40). Олицетворяемую Борисом политическую доктрину автор «Сказания» поднимает до уровня божественной заповеди¹⁰.

К нему обращается дружина, обещая поддержку в перевороте: «Поди, сядь в Киеве на отцовском столе: все воины под твоей рукой» (с. 42). Однако Борис являет пример соблюдения княжеского старшинства, которое в данном случае является одновременно и христианской моралью: «Не могу я поднять руку на брата моего старшего, он мне как отец» (там же). Святополк же, вызвав под разными предлогами сначала Бориса, затем Глеба, такого же добровольного мученика и верного вассала, по очереди вероломно убивает их руками своих слуг.

В рассматриваемый период политико-правовая тематика в литературе вообще, а в агиографической литературе тем более переплетена с христианским мировоззрением о значении нравственной позиции человека для судьбы Отечества; в рамках такой ценностной системы выполнение государственных обязанностей является своего рода послушанием¹¹. Рассмотренный сюжет еще раз подтверждает данный вывод: ради соблюдения порядка княжеского старшинства, обеспечивающего устойчивость политической системы страны, братья принимают смерть.

Автор жития подчеркивает, что подвиг князей, не посягнувших на власть старшего брата и не уклонявшихся, несмотря на предупреждения,

⁸ См.: *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII веков // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М. ; Л., 1954. Т. 10. С. 87–90.

⁹ Сказание о страстях и похвала святым мученикам Борису и Глебу / пер. Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой // Федорова М. Е., Сумникова Т. А. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969. С. 40. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁰ См.: *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 20.

¹¹ См.: *Павлова С. В., Бодунова О. Г.* Древнерусский образ идеального правителя (X – начало XIII в.) // История государства и права. 2009. № 23. С. 23.

от встречи с посланными им убийцами, восславлен среди позднейших князей, является для них образцом и наставляет в преодолении усобиц: «Воистину вы цесари среди цесарей и князья среди князей, ибо вашей помощью и защитой князья наши побеждают встающих на них и вашей помощью гордятся. Вы нам оружие, земли Русской щит, опора и меч обоюдоострый, которым дерзость поганскую низлагаем и дьявола шатания на земле побеждаем» (с. 48–49). В завершение произведения подчеркивается идея единства Руси, что святые князья молятся «не об одном граде, не о двух, не о селах <...>, но о всей Русской земле»¹².

Таким образом, Борис и Глеб провозглашались заступниками Русской земли и «държавьных» князей. Их культ был особенно актуален в годы княжения Владимира Мономаха, стремившегося удержать под своей рукой дробившееся Русское государство, в котором все более усиливались центробежные тенденции, княжеский сепаратизм¹³. Особый драматизм данного этапа государственного развития заключался в том, что целостность государства была необходима в противостоянии непрекращающейся угрозе иноземного вторжения.

Идея необходимости сохранения государственного единства, мира среди княжеского рода не является центральной, однако четко выделяется в житии Феодосия Печерского, написанного Нестором Летописцем в конце XI – начале XII в. Оно содержит осуждение княжеских распрей и нарушение установленного порядка наследования княжеских «столов». Принципы удельно-лествичной системы и феодального вассалитета в значительной мере обеспечивали единство Древнерусского государства. Такой порядок осуществления и наследования княжеской власти предполагал неперемное соучастие членов династии в государственном управлении, переход князей по старшинству из одного княжества в другое, в результате чего каждый из них потенциально со временем мог получить великокняжеский «стол». Даже при выделении новых уделов государственное единство сохранялось как идеальная норма¹⁴. Такая политическая система поддерживала единство страны: попытка мятежа в равной степени нарушала права политической власти всех членов княжеского рода¹⁵.

Автор жития повествует о нарушении установленного порядка: «Был в то время раздор – по наущению лукавого врага – среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего

¹² Бондар А. В. Направления и проблемы в исследовании политико-правовых основ формирования и становления государственности на Руси // История государства и права. 2007. № 21. С. 26 ; Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика в зеркале истории (IX–XV вв.) // Там же. 2010. № 4. С. 36.

¹³ См.: Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л., 1957. Т. 13. С. 44.

¹⁴ См.: Плотникова О. А. Система властвования на Руси через призму ментальности // История государства и права. 2008. № 11. С. 40.

¹⁵ См.: Озеров В. В. Проблемы формирования удельно-лествичной формы организации государственной власти на Руси // Там же. 2007. № 21. С. 27.

брата <...> Изяслава»¹⁶. Помимо выражения факта – княжеской ушибыцы, автор выражает оценку: распря, нарушение государственного единства и одновременно родственных уз представляют явление ненормальное, которое может быть только «по наущению лукавого врага».

После победы и изгнания брата победившие князья приглашают настоятеля монастыря Феодосия на обед, однако последний не желает присоединяться, как осуждающе отражено в житии, к «неправедному их союзу» (с. 128). Более того, он уравнивает княжеский раздор с происками нечистой силы: «...ответил посланному, что не пойдет на пир Вельзевулов» (с. 129–131). По мнению автора жития, раздор настолько преступен, что и сами князья это понимают: «Они же <...> не посмели прогневаться за такие слова на Феодосия, видя, что правду сказал человек божий...» (с. 131).

Житие отражает гражданскую позицию духовного лица и позицию церкви по установлению мира и единства на Руси: «Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал обличать князя в том, что неправедно поступил он и не по закону сел на престоле том, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждал беззаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и велел им передать его слова князю» (там же). Феодосий Печерский, видимо, направил князю несколько «епистолий» на данную тему, за которые, по мнению исследователей, вполне мог поплатиться свободой¹⁷.

Житие свидетельствует не только о высоком гражданском чувстве святого Феодосия, но и высоком авторитете церкви и церковнослужителей в глазах светской власти. Так, Феодосий заявляет князю о своем духовном долге и правах по отношению к земным властителям: «...подобает нам обличать вас и говорить о спасении души. А вам должно послушать это» (с. 133). Данный эпизод подтверждает отмеченную в научной литературе мысль, что православное священство пыталось осуществлять миссию наставничества по отношению к светской власти¹⁸.

Восстановление справедливости и порядка наследования власти, обеспечивающего единство Руси, является целью святого. Достигнуть этой цели он готов любым подобающим средством, в том числе мольбой: «...видя, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое, и с тех пор уже больше не укорял его, решив про себя, что лучше будет умолять его, чтобы возвратил брата в принадлежавшую тому область»

¹⁶ Житие Феодосия Печерского / пер. О. В. Творогова // Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 128. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁷ См.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М. ; Л., 1947. С. 163.

¹⁸ См.: *Сорокина Ю. В.* Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2007. № 2. С. 5.

(там же). Причем в данном случае государственный интерес основан на семейных чувствах, братской любви: «Много раз Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божием и о любви к брату» (там же).

Князь, занявший престол в результате усобицы, понимает, по мнению автора жития, несправедливый характер своей власти, заявляет о своем смущении перед Феодосием. На это настоятель монастыря призывает способствовать примирению и восстановлению княжеского единства: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который передал ему благоверный отец» (с. 135).

«Житие Феодосия Печерского» не только выражает политико-правовую мысль того времени, но и иллюстрирует некоторую самостоятельность и даже оппозицию церкви по отношению к светской власти. Так, в качестве одной из мер к восстановлению справедливости и установленного порядка наследования княжеских уделов Феодосий в ектении велел упоминать изгнанного Изяслава «как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава <...>, против закона севшего на престол, – не велел поминать в своем монастыре» (там же). Данная часть жития подтверждает, что церковь на рассматриваемом историческом этапе хоть и являлась институтом, ориентированным на власть, вместе с тем была идейно и в какой-то мере юридически независима от государства¹⁹. Впоследствии монахи уговорили упоминать обоих князей, однако Изяслав упоминался первым. Вполне вероятно, что помимо религиозного смысла, данная мера имела и общественно-политический смысл, ставя под вопрос легитимность княжеской власти в глазах паствы.

В 20-х гг. XIII в. сформировался такой замечательный литературный памятник, как Киево-Печерский патерик²⁰. Подобные произведения представляли собой небольшие поучительные рассказы из жизни монахов. Напрямую произведение не содержит идей государственного единства, однако, безусловно, является ценным общественно-политическим общерусским источником. В эпоху феодальной раздробленности, когда политический центр смещается из Киева на северо-восток, накануне татаро-монгольского нашествия авторы патерика напоминают о славном прошлом стольного Киева, об общерусском значении Печерского монастыря и его святынь и тем самым поддерживают наиболее прогрессивную идею того времени – идею единства Русской земли²¹.

Рассмотренные произведения еще раз подтверждают мысль о том, что на Руси христианская церковь в отличие от христианской церкви на Западе всегда выступала за усиление и централизацию государственной власти²². В молитвах, проповедях, житиях и других произведениях цер-

¹⁹ См.: Сорокина Ю. В. Указ. соч. С. 4–5.

²⁰ См.: Киево-Печерский патерик / пер. М. А. Викторовой // Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 290–325.

²¹ См.: Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. С. 38.

²² См.: Уткин Г. Н. Православные корни идеи правды в эпоху Средневековья на Руси // История государства и права. 2007. № 24. С. 29.

ковной литературы звучит призыв русских князей к единству, особенно усилившийся в период феодальной раздробленности и не утихший на протяжении татаро-монгольского ига. Данные идеи питали надежду на единение русских земель и оказали влияние на объединительные доктрины послемонгольского периода развития государства.

*Волжская государственная академия
водного транспорта (г. Н. Новгород)*

*Сосенков Ф. С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин*

E-mail: fss2005@rambler.ru

Tel.: 8-908-167-94-97

*Volga State Academy of Water Transport
(Nizhny Novgorod)*

*Sosenkov F. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the State
and Legal Disciplines Department*

E-mail: fss2005@rambler.ru

Tel.: 8-908-167-94-97